

Научная статья

УДК 342.15

DOI 10.17150/1819-0928.2023.24(4).457-470

EDN SMLGSV

Территория как публично-правовая категория: понятие и логическая связь с государством

Иван Владимирович Лексин*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия**leksin@spa.msu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5635-820X>*

АННОТАЦИЯ

Настоящая статья посвящена нескольким концептуальным вопросам юридического осмысления территории государства. Проанализирована конструкция понятия государственной территории, обоснована теоретическая допустимость его множественных определений. В то же время из современной юридической практики следует неизбежность признания вполне конкретного подхода к пониманию территории государства — как сферы проявления государственного суверенитета.

Рассмотрены несовпадения в законодательно закреплённых описаниях состава территории Российской Федерации. Констатируется, что дискуссия о составе территории государства не имеет научного решения и может лишь быть произвольно прекращена — путем нормативного перечисления ее составляющих и (или) путем признания правильности определенного подхода академическим сообществом. Затронуты некоторые вопросы использования соответствующей терминологии в юридической доктрине и в правовом регулировании. Показано, что в разных странах юрико-лингвистические традиции изложения территориальных вопросов не совпадают и что при определенных условиях юриспруденция в принципе способна обходиться без слова «территория» и его аналогов. При этом установлено, хотя русскоязычный термин «территория» не является безупречным, для современной отечественной юриспруденции он практически безальтернативен.

Обнаружена зависимость оценки необходимости территории для государства от трактовки понятий территории и государства, а также от используемой научной методологии. Продемонстрирована методологическая уязвимость трактовки территории как признака, элемента, условия или предпосылки государства. Констатируется, что пространственный характер юрисдикции государственных органов и действия норм национального права и пространственная структурированность такой юрисдикции и правового порядка сохраняют актуальность для современного периода развития государственности, однако интенсивное внедрение цифровых технологий в сферу выполнения государственных и муниципальных функций и оказания государственных и муниципальных услуг способно привести к заметному сокращению практической потребности в территориальном структурировании государства.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

территория, государство, суверенитет, территориальность, территориальное устройство, пространство

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Лексин И.В. Территория как публично-правовая категория: понятие и логическая связь с государством // Академический юридический журнал. 2023. Т. 24. № 4. С. 457–470. DOI 10.17150/1819-0928.2023.24(4).457-470. EDN SMLGSV

Original article

Territory as a public law category: concept and logical relationship with the state

Ivan V. Leksin*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia**leksin@spa.msu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5635-820X>*

ABSTRACT

The article is devoted to several conceptual issues of legal understanding of the state territory. The author analyzes the construction of the notion of state territory and substantiates that its multiple definitions are theoretically acceptable. However, modern legal practice implies the inevitability of recognizing a specific approach to understanding state territory as a sphere where state sovereignty manifests itself.

The author considers the discrepancies in the legally fixed descriptions of the RF territory composition. It is stated that the discussion about this composition has no scientific solution and can only be arbitrarily

© Лексин И.В., 2023

terminated, namely by means of enumerating the components of the territory in the legislation or recognizing the correctness of a certain approach by the academic community.

The article addresses some issues of using the relevant terminology in legal doctrine and legal regulation. The author shows that legal and linguistic traditions of the describing of territorial issues in various countries do not agree, and that under certain conditions jurisprudence can technically manage without the term “territory” and similar words. Nevertheless, although the term “territory” is flawed, it has practically no alternative in modern Russian-language jurisprudence.

The article reveals that in order to assess if a state requires territory, one should consider the interpretation of the notions of territory and state, as well as the used scientific methodology. Besides, it demonstrates that it is methodologically precarious to interpret territory as a feature, element, condition or prerequisite of the state. The author shows that the spatial nature of the state bodies jurisdiction and of the national law operation, as well as the spatial structuring of such jurisdiction and of the legal order stay relevant for the modern period of the statehood development. However, the intensive digitalization implementation taking place in the sphere of public functions and public services can lead to a noticeable reduction of the practical need for territorial structuring of the state.

KEYWORDS

territory, state, sovereignty, territoriality, territorial structure, space

FOR CITATION

Leksin I.V. Territory as a public law category: concept and logical relationship with the state. *Akademicheskiiy yuridicheskiiy zhurnal = Academic Law Journal*. 2023;24(4):457–470. (In Russian). DOI 10.17150/1819-0928.2023.24(4).457-470. EDN SMLGSV

Введение

Концептуальная база территориальной организации государства и государственной территории не отличалась однородностью на всем протяжении своего развития. Разногласия по данному поводу отчасти были и остаются приемлемыми, будучи обусловлены различиями в видении государства разными социальными науками и несопадением методологии его осмысления. Однако как прежде, так и в настоящее время нередко логические нестыковки в представлениях об одних и тех же обстоятельствах при подразумеваемой общности доктринальных установок. В настоящей статье внимание будет уделено преимущественно таким вопросам.

Юридическое понимание государственной территории

Подходы к употреблению слов «территория», «территориальный» в современной юриспруденции распадаются на две несоразмерные группы. Сравнительно небольшая часть авторов понимает территорию как естественную (природную, физическую, географическую) среду [1, с. 13]. Целесообразность такого понимания в рамках юридической науки вызывает сомнения, однако и распространенность данного подхода невелика. Гораздо шире круг ученых, осознанно или неосознанно трактующих территорию как порождение социокультурного контекста. Данные трактовки подразумевают, что территория есть не просто пространство как внешняя по отношению к социуму данность, а результат его

(пространства) политической, социально-психологической, юридической и иной «обработки» посредством решений и действий по его присвоению, закреплению, отторжению и пр., восприятия его принадлежности тому или иному коллективу либо лицу, признания или непризнания распространения на него компетенции, правопорядка и т. п.).

В рамках этой группы подходов в публично-правовой литературе и в официальных документах используются внешне не совпадающие, но взаимосвязанные подходы к определению понятия территории государства. Юридическая наука обратилась к данному понятию сравнительно раньше законодательства и двигалась от свойств к составу. Отечественное нормативное регулирование, напротив, сосредоточено на описании состава территории и напрямую не указывает ее признаков (хотя таковые можно вывести из формулировок правовых норм).

Правоведы при определении территории в качестве базового понятия использовали и продолжают использовать категорию земной поверхности [2, с. 8; 3, с. 158] (закономерно подразумевая под ней прежде всего сушу¹, а также внутренние и прилегающие к суше воды [5, с. 151–154; 6, с. 336; 7, с. 85]), от которой со временем стали отграничивать недра

¹ Слово *territorium* (лат.) чаще всего возводят к существительному *terra* (лат.) — суша, почва, земля, страна. Однако обоснованным считается и его происхождение от глаголов *terreo* (лат.) — утешать, пугать, отгонять, или *tero* (лат.) — топтать, ходить, попираť [4, с. 642].

(«подземное пространство») [8, с. 129] как отдельный компонент территории. Помимо этого в связи с развитием технологий и хозяйственной деятельности к началу XX века в состав государственной территории было принято включать морские кабели [9, с. 105–106] и надземное пространство [10, с. 47–48; 8, с. 129; 11, с. 105].

Видовой признак, чаще всего используемый в последние полтора столетия в определении территории государства, связан с властью или смежными категориями. Такими были определения государственной территории как пространства под верховной властью [12, с. 155] или пространства осуществления функции властвования [13, с. 286]. Сегодня данную традицию продолжают сходные дефиниции [14, с. 57], а также описания территории государства как сферы действия или осуществления государственного суверенитета [15, с. 93; 16, с. 1085; 17, с. 406; 18, с. 166]. Такого рода характеристики просматриваются и в положениях частей 1 и 2 статьи 4 Конституции РФ². Исходя из них, территория Российской Федерации может трактоваться как пространство, на которое распространяется ее суверенитет и, соответственно, в пределах которого обладают верховенством Конституция РФ и федеральные законы.

Однако, как было отмечено, напрямую законодательство говорит не о свойствах, а о составе территории Российской Федерации. Нормативное перечисление ее элементов вызывает у авторов, занимающихся данной проблематикой, несколько взаимосвязанных претензий. Во-первых, в формулировке части 1 статьи 67 Конституции РФ произошло смешение разных подходов [19, с. 76–96] к структурированию территории: в числе ее элементов упомянуты как искусственные (порожденные правовым регулированием) пространства (территории субъектов РФ), так и физические пространства, связанные с правовым регулированием (в отношении них действуют специфические правовые режимы), но имеющие естественную природу. Логичность помещения в один перечень территорий субъектов РФ, водных поверхностей и воздушного пространства, действительно, сомнительна. Более корректным было бы упоминание вместо территорий субъектов РФ суши и недр (как в статье 1 Закона РФ от 1 апреля 1993 года «О Государственной границе

Российской Федерации»³) или сохранение подхода, использованного в части второй статьи 70 Конституции (Основного Закона) РФ 1978 года (в редакции законов РФ от 21 апреля 1992 года № 2708-I и от 9 декабря 1992 года № 4061-I⁴) – перечисление территорий субъектов РФ разных видов как составляющих «единую территорию Российской Федерации». Первый подход можно считать нейтрально-научным, тогда как второй имел антисепаратистскую направленность. Акцент на единстве территории России сохранен и в действующей Конституции РФ. Однако если предположить, что помимо данного акцента формулировка части 1 статьи 67 Конституции РФ призвана подчеркивать и непринадлежность субъектам РФ водного и воздушного пространств, логическое несовершенство ее конструкции можно признать оправданным.

Во-вторых, расхождение в перечнях компонентов территории Российской Федерации, приведенных в части 1 статьи 67 Конституции РФ и в статье 1 Закона РФ «О Государственной границе Российской Федерации», предлагается считать коллизией [20, с. 21, 195, 372]. Однако противоречие в данном случае вряд ли имеет место, поскольку данные перечни, как было отмечено, не вполне сопоставимы.

В-третьих, отдельных упреков удостоилось отсутствие в части 1 статьи 67 Конституции РФ 1993 года упоминания о недрах, что, соответственно, предлагается исправить. Однако это обстоятельство не должно рассматриваться как случайный огрех. На момент принятия действующей Конституции недра – согласно Федеративному договору 1992 года и внесенным на его основе изменениям в Конституцию (Основной Закон) РФ 1978 года – уже были отнесены к совместному ведению Федерации и ее субъектов, поэтому недра можно было считать относившимися к территории как Российской Федерации, так и регионов. Перечисление в одном ряду и территорий субъектов РФ, и недр с этой точки зрения выглядело бы нелогичным. Учитывая, что и в настоящее время вопросы владения, пользования и распоряжения недрами, а равно законодательство о недрах относятся к совместному ведению Федерации и ее субъектов, недра могут считаться входящими в состав как территории Российской Федерации, так и территорий ее субъектов [21, с. 24, 27].

² Конституция Российской Федерации : принята все-нар. голосованием 12 дек. 1993 г. : (ред. от 01 июля 2020 г.) // Российская газета. 2020. № 144.

³ Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РФ. 1993. № 17. Ст. 594.

⁴ Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РФ. 1992. № 20. Ст. 1084; № 52. Ст. 3051.

Как следствие, рекомендуемое включение упоминания о недрах в часть 1 статьи 67 Конституции РФ [20, с. 21, 195, 372–373] лишь заменило бы одну техническую погрешность (объяснимую и в целом оправданную) другой (тоже объяснимой, но вряд ли оправданной).

Наконец, дискуссионны и соображения о дополнительных к упомянутым выше составляющим территории государства. Часть специалистов относит к ней «подвижную территорию» [22, с. 10; 23, с. 28] (морские, воздушные, космические суда), а также дипломатические представительства государства (иногда причудливо именуемые «землями посольств» [24, с. 22–23]). Другие же либо умалчивают об этом, либо предлагают считать перечисленные объекты «квазитерриториями»⁵. Выход из разногласий по данному поводу располагается за рамками науки. Его решение имеет либо догматический характер⁶ (принадлежность того или иного объекта к территории недоказуема, ее возможно лишь произвольно зафиксировать посредством определения, — широта которого полностью зависит от усмотрения автора⁷), либо нормативный (применительно к Российской Федерации названные объекты частично приравнены к государственной территории, но прямо не включены в ее состав). При этом гипотетически территория государства может и не иметь сухопутной составляющей: с точки зрения

юридической техники нет непреодолимых препятствий для признания в качестве государств («наций») сообществ, размещающихся на искусственных конструкциях над или под водой (в связи с изменением уровня мирового океана надводные и подводные государства вполне могут стать реальностью в обозримой перспективе) либо в космическом пространстве.

Терминологические затруднения и затруднительность их решения

Доктринальное и нормативное употребление слова «территория» давно стало привычным. В то же время широта и многообразие современной практики такого употребления позволяют усомниться в адекватности этого традиционного термина. Данное замечание, впрочем, характерно не для каждого языка. В этом отношении выгодно отличается немецкий: в сравнении с родственными языками устоявшиеся в нем обозначения территории государства⁸ более универсальны (по смыслу из русскоязычных слов им соответствуют, скорее, «сфера» или «пространство»).

В французской и английской юридической лексике существительное «территория» использовалось и продолжает использоваться наряду с альтернативными категориями⁹. Причем в англоязычной юриспруденции оно долгое время имело вспомогательное значение (хотя с расширением использования английского языка в международном общении и в публикационной сфере он испытал значительное влияние терминологического аппарата, характерного для континентальной юридической науки и практики). Кроме того, следует иметь в виду, что в отличие от континентально-европейской юриспруденции в англоязычной картине правовой действительности место государства занимали и занимают (в той или иной мере) другие категории (нация, «правительство» в значении системы органов публичной власти, парламент¹⁰ и т. п.). Вследствие сравнительной неразвитости концепции государства не выработалась и система представлений о его территории. Соответственно, в академической литературе несложно встретить выражение «обладание территориями» (во мн. ч.) [29, р. 28–29, 33, 35]. Строго говоря,

⁵ К ним относятся «так называемые “плавающие” и “летучие” территории (морские и речные суда, воздушные суда, космические корабли), а также территории дипломатических и консульских представительств иностранных государств. Они не могут считаться территорией в полном смысле этого слова, поскольку не обладают ее главными признаками» [25, с. 445].

⁶ Современные авторы, строго говоря, не расширили дискуссию о составе территории государства, по-прежнему рассуждая о проблемах, привлекавших внимание ученых в конце XIX — начале XX вв.: о «плавающих частях территории» и, по аналогии, воздушных судах [9, с. 116–117], об «условной» (в отношении дипломатических представительств), «плавающей» и «летучей» территории [26, с. 202, 217–218].

⁷ Например, руководствуясь смысловой связью слова «территория» с сушей, можно максимально сузить его значение, отнеся водное и воздушное пространства и недра к категории объектов, лишь «приравненных к территории». Напротив, при максимально широком подходе можно было бы даже гражданина считать продолжением государственной территории — на том основании, что, находясь за пределами своей родины, он должен руководствоваться законодательством не только страны пребывания, но и страны гражданства (подданства). Такой подход, вероятно, диссонировал бы с принятым разделением действия правовых норм в пространстве и по лицам, но на фоне отнесения к территории зданий и помещений (дипломатических представительств) он не выглядит революционным.

⁸ Нем. *Staatsgebiet*, *Hoheitsgebiet* — буквально «государственная область» или «область верховенства».

⁹ Фр. *domaine*, англ. *domain*, *dominion* — буквально «владение», «вотчина» [27, р. 435–437, 505; 28, р. 97].

¹⁰ Англ. *nation*, *government*, *parliament*.

классическая англоязычная юриспруденция способна вообще обходиться без слова «территория» и родственных ему: для характеристики правового значения территории в большинстве случаев достаточно термина «территориальная юрисдикция»¹¹.

Современная русскоязычная модель правового порядка вряд ли поддается безболезненному исключению слова «территория»: оно весьма прочно вошло и в юридическую науку, и в законодательство. Тем не менее, сомнения в безальтернативности слова «территория» в русскоязычной юридической науке и практике подпитываются рядом обстоятельств. К таковым относятся, в частности, устоявшиеся ассоциации слова «территория» с государственной территорией (например, открытое море или космическое пространство редко называют территориями действия международного правопорядка) и с относительно плотными субстанциями (так, воздушный столб над территорией государства принято называть «пространством»). Аргументом в пользу его замены иным термином может служить также наличие территориальных образований, обозначаемых именем «территория». Вхождение таких образований в отечественную практику, как известно, уже привело к появлению не самых гармоничных оборотов: «на территории... могут быть созданы федеральные территории» (часть 1 статьи 67 Конституции РФ), «территория федеральной территории» (глава 2 Федерального закона от 22 декабря 2020 года № 437-ФЗ «О федеральной территории “Сириус”»¹²).

Однако признавая справедливость упреков в адрес устоявшейся терминологии, следует констатировать, что подобрать слову «территория» подходящую замену весьма проблематично. По сути, его более или менее приемлемой альтернативой на данный момент является только слово «пространство». Попытки частично заместить «территорию» данной категорией предпринимались [30; 31], однако они не вызвали заметного энтузиазма в академической среде. Приверженность привычным терминам вряд ли можно объяснить лишь инерционностью юридического менталитета. Слово «пространство», на первый взгляд, представляется более универсальным. Однако в силу стихийно сложившихся синтаксических взаимосвязей слово «терри-

тория» может превосходить «пространство» по функциональности. Выражения «пространство государства», «пространство Российской Федерации» (без уточнения «воздушное»), «государственное пространство» вряд ли могут удачно вписаться в терминологический ряд конституционного и международного права. Сложно подобрать также замену словам и словосочетаниям, производным от «территории» (например, «территориальному морю») ¹³. Все это приводит к заключению, что в современных условиях слово «территория» в русском языке не имеет явных конкурентов.

О необходимости территории для государства

Дискуссию о потребности в территории для бытия государства можно считать ровесником осмысления территориальной проблематики юридической наукой. Германская юриспруденция, долгое время задававшая тон в этом вопросе, стояла на безальтернативной позиции: догматическое понятие государства как территориального союза исключало квалификацию иных союзов в качестве государств [13, с. 286]. Такого рода представления были характерны и для юриспруденции других стран континентальной Европы. Наличие территории (или обладание «землей» [32, S. 4]) мыслилось «условием» или самого государства [33, с. 362; 34, р. 102], или «идеи государства» [35, р. 13–14] («понятия государства» [36, S. 164]) и т. п. Такого рода дедуктивные умозаключения сами по себе являлись логически безупречными и по сути не требовали практических обоснований.

Правда, в позициях ученых по данному поводу не было полного единства. Большинство оценивало кочевой характер племенных союзов как препятствие для квалификации в качестве государств [37, с. 30; 7, с. 86; 27, р. 81]. Между тем К. Фрикер (один из основоположников юридического учения о территории государства), напротив, относил кочевые государства к числу «настоящих» и приводил аргументы в пользу территориальности любого государства, в том числе кочевого [38, S. 16]. Непостоянный характер локализации последнего, действительно, логически не конфликтует с его территориальным характером:

¹³ Данная проблема, кстати, не характерна для немецкого языка, который можно считать одним из наиболее «родных» для современных концепций территории государства. Конструктивно термин *Hoheitsgewässer* (буквально «воды под верховенством», «суверенные воды») выглядит как обозначение части по отношению к *Hoheitsgebiet* («область верховенства», «суверенная сфера»).

¹¹ Англ. *territorial jurisdiction, land jurisdiction* [28, р. 69, 96, 97].

¹² Собрание законодательства РФ. 2020. № 52 (ч. I). Ст. 8583.

как интенсивно ни передислоцировалось политическое образование, но в каждый момент времени соответствующий ему правовой или прото-правовой порядок распространяется не только на членов племени, но и на местность, которую оно в этот момент занимает¹⁴.

В отечественной юриспруденции конца XIX — начала XX века можно было наблюдать отчасти сходную полемику. С одной стороны, авторитетом пользовались доктринальные утверждения в «германских» традициях: «Территориальность есть обыкновенное условие разграничения сфер господства между государствами и в действительности всегда имеется» [39, с. 223]; усредненное государство есть «союз... властвующий... в пределах определенной территории» [40, с. 22]; народ в «оседлом» состоянии [41, с. 114; 42, с. 134]. С другой стороны, ряд выдающихся теоретиков и государствоведов скептически относился к признаку территориальности (прежде всего, именно в силу кочевого характера многих государств древности) [43, с. 4; 44, с. 212–213; 45, с. 203–204; 46, с. 144]. Например, В.В. Ивановский хотя и называл территорию «важным элементом» государства, но «необходимым» — лишь по отношению к «культурным государствам» [47, с. 99–100] (т.е. современным). Часть ученых рассуждала более решительно. Л. Шалланд отмечал, что «юридическое значение территории есть несомненное последствие множественности государств. Если бы на свете существовало только одно властвующее единение людей, одно государство, то... строго говоря, самый вопрос о праве в территории или на территории не мог бы вовсе быть поставлен» [48, с. 188], поскольку «если бы на земле существовал только один политический союз, то территория служила бы только реальной его основой — так же как воздух, вода и силы природы, *юридические* же функции ее отсутствовали бы. Понятие “границ” было бы лишено всякого смысла и значения — государство властвовало бы повсюду, где хотело или могло» [48, с. 25], А.Л. Саккетти указывал, что «для отвлеченно взятого чистого понятия государства как такового территориальность не есть необходимый признак» [39, с. 222], сход-

ным образом высказывался Н.И. Лазаревский¹⁵, а Н.Н. Алексеев вообще утверждал, что «между идеей государства и признаком территориальности нет никакой существенной связи... нет никакой рациональной невозможности мыслить государство и без определенной территории... Иными словами, с точки зрения родовой сущности государства признак территории не может рассматриваться в качестве необходимого и конститутивного» [50, с. 42–43].

В первые послереволюционные годы часть ученых продолжала высказываться в указанном русле¹⁶. Однако достаточно быстро дискуссии по этому поводу фактически утратили смысл. Материалистическое учение, воспринятое советской наукой государства и права, в описании территориальной сущности государства было довольно сдержанным, лишь усматривая отличительный признак государства по отношению к родовой организации в «разделении подданных государства по территориальным делениям» [51, с. 170], но не провозглашая саму территорию сущностным основанием государства как явления.

Для современной юридической литературы рассуждения о необходимости территории для бытия государства не характерны. Это предопределено, во-первых, отсутствием жизненных примеров государств без территории, пусть не исчерпывающе, но документально фиксированной; во-вторых, немыслимостью формы государства, компонентом которой не являлось бы территориальное устройство; в-третьих, свойством суверенитета, приписываемого государству как юридической доктриной, так и учредительными внутригосударственными актами и основополагающими международными документами (поскольку суверенитет государства с необходимостью требует верховенства государственной власти и национального права на некой территории). Сомнения же по поводу территориальности государства располагаются, как правило, за рамками собственно публичного права — в области постмодернистской политической философии (так, отрицание категории государственного суверенитета [52, с. 46–48; 53] позволяет отказаться и от территориального характера государства)

¹⁴ Строго говоря, пространственные пределы и современных государств далеки от точности и статичности: границы территориального моря в общем случае меняются вслед за изменением конфигурации береговой линии (линии наибольшего отлива); граница, привязанная к тальвегу реки, также не бывает абсолютно стабильной; изменяются и иные границы, проведенные по ландшафтным ориентирам; верхний предел же воздушного пространства государства вообще не установлен нормативно.

¹⁵ «Из того, что все современные государства имеют территориальную основу, нельзя делать того вывода, чтобы территория была необходимым образующим элементом государства вообще» [49, с. 48].

¹⁶ В частности, Я.М. Магазинер отмечал, что «и без *территории* бывали государства» и что территория «типична и нормальна только для современного государства» [11, с. 107–108].

и постмодернистского (или постнеклассического) правопонимания¹⁷.

В целом можно констатировать, что решение вопроса о потребности государства в территории предопределяется следующими обстоятельствами. Во-первых, для его положительного решения требуется методологическая установка, основанная на классическом или неклассическом типе рациональности (поскольку постнеклассическая рациональность будет требовать отказа от категории государственного суверенитета, да и самого государства как от искусственных конструктов). Во-вторых, безоговорочный характер данного решения будет зависеть от широты понимания категорий «территория» и «государство» (от допущения отсутствия фиксированной территории, от возможности бытия государства без сухопутной территории и пр.).

Оценка территории как признака или элемента государства

Территориальное устройство традиционно считается квалифицирующим признаком государств (за исключением «карликовых» государственных образований поселенческого типа). На всем протяжении известной истории человечества этот признак демонстрировал постоянство, и, по-видимому, не имеется реальных оснований рассчитывать в обозримой перспективе на появление более или менее пространственно протяженных государств, которые вообще не имели бы территориального деления. В то же время нужно иметь в виду, что расширение использования цифровых технологий способно приводить к избыточности самих понятий, связанных с физической локализацией (таких, как местонахождение лица, место оказания услуги и т.п.). Это в свою очередь ведет к снижению практической целесообразности использования территориального принципа в учетной деятельности, планировании и управлении независимо от пространственной протяженности государства и позволяет потеснить данный принцип в пользу других критериев структурирования сферы выполнения государственных и муниципальных функций и оказания

государственных и муниципальных услуг, организации общественной жизни и хозяйствования. Данное дробление может уступать место иной форме структурирования общества¹⁸, основанной не на пространственной принадлежности, а, к примеру, на информационно-коммуникационной связанности. Причем в зависимости от целей такого связывания могут использоваться разные алгоритмы структурирования, что, соответственно, может приводить к множественности параллельно существующих структур¹⁹ (такого рода сетевое структурирование уже наблюдается во многих странах, включая Россию).

Если сомнения в неизбежности территориальной организации государства относятся к государству будущего, то сомнения в обоснованности представлений о значении самой территории (территориальности) как признака государства, хотя и требуют аналогичного абстрагирования от конкретно-исторической действительности, могут быть адресованы государству как актуальному явлению.

Прежде всего необходимо иметь в виду, что данные представления сравнительно молоды по историческим меркам. Вплоть до Нового времени понятие территории не отделялось от понятия земли, которая в свою очередь рассматривалась не как часть государства (и не могло рассматриваться в силу отсутствия самого понятия государства в современном смысле [55, с. 18–20]), а как предмет владения и властвования.

Впоследствии утвердилось представление о триаде признаков государства (территория, население, власть) [56, с. 18; 57, с. 18–24] или одноименных элементов государства [7, с. 10; 58, с. 40; 13, с. 103, 286–316; 59, с. 74; 8, с. 71; 60, с. 334–336; 61, с. 10–12] (или элементов, параллельно упоминаемых в качестве признаков [41, с. 114–135; 45, с. 201; 62, с. 7–12]), или элементов его юридической личности [63, с. 100–194; 64, с. 186]. Во второй половине XIX века такого рода трактовки стали господствующими в континентально-европейской и отечественной юриспруденции²⁰.

¹⁸ Постмодернистское осмысление данной проблематики породило и специфический термин – «детерриториализация» [54, р. XII–XIII, 45, 52, 61, 124, 294–299, 344, 346–347].

¹⁹ Цифровые платформы могут по совершенно разным параметрам (но при этом без строгой привязки к территории или вообще без привязки к ней) группировать получателей разных государственных и муниципальных услуг. Технически возможно и распределение избирателей по условным (нетерриториальным) избирательным участкам и избирательным округам.

²⁰ Правда, например, Л. Дюги рассматривал четыре «элемента государства»: коллективность, территорию, суверенитет и правительство [63, с. 58].

¹⁷ Для него характерны признание условной объективности воспринимаемого мира в целом и любых объектов в его составе, конвенциональности и социокультурной контекстуальности любых утверждений, производности объекта исследования от исследовательского метода, отказ от гипотезирования (опредмечивания, овеществления) «сконструированных» абстрактных сущностей, в число которых входят право и государство, требование их сведения к более осязаемым сущностям – при сохранении скептического отношения к любым результатам такого сведения.

При строгом отношении к словоупотреблению (при понимании признака как отличительного свойства, а элемента — как члена системы) эти трактовки не выдерживают критики. Указывать территорию в качестве признака государства неверно практически при любом понимании последнего (как организации, организованного народа, правопорядка, юридической личности или правоотношения), поскольку наряду с государством территория (равно как и население или власть) относится к категории явлений, а не свойств. Одно явление само по себе не может считаться свойством (признаком, характеристикой, чертой) другого. Признаком государства в любом значении допустимо считать не саму территорию, а территориальность (точнее, территориальную структурированность организации, территориальную оседлость народа, распространенность государственной власти или компетенции, или юрисдикции, или суверенитета на обстоятельства в пределах определенного пространства, пространственный характер действия и действительности национального правопорядка, наличие территориального предела реализации правоотношения и т. п.). При этом следует иметь в виду, что содержательная обоснованность таких утверждений будет не безусловной, а зависящей от подхода к пониманию государства.

Фигурировать в качестве элемента по отношению к государству территория в принципе может, но лишь в случае понимания его как организма (территория в таком случае предстает как часть «тела» последнего). Учитывая безвозвратную утрату органической концепцией государства авторитета в научном мире, следует констатировать, что государство ни в одном из актуальных значений не может считаться «состоящим» из территории и чего-то еще. Трактовка же территории как элемента государства ведет в формально-логический тупик: хотя наличие территории, существование населения, обладание властью являются однопорядковыми обстоятельствами, сами территория, народ, власть представляют собой абстракции разного рода и не поддаются соединению в цельное явление.

Не более резонно квалифицировать территорию, власть, население как элементы юридической личности государства. Юридический статус или правосубъектность поддаются дроблению на составляющие, но любая юридическая личность представляет собой цельность, не имеющую строения. Кроме того, территория, власть и население, хотя и опосредуются правовой действительностью (т. е. так или иначе проявляют

себя в ходе правового регулирования), но имеют природу не правовую, а, соответственно, физическую и географическую, политическую и социально-психологическую, демографическую и социально-экономическую. Их можно было бы метафорически назвать составными частями государственного организма, — но организма материализованного, а совсем не юридического²¹.

Однако следует иметь в виду, что критическое отношение к триаде элементов или признаков государства, достигшее максимума в марксистско-ленинской юриспруденции, было заложено еще в досоветский период. Прямое понимание территории как «принадлежности государства», которая «входит в него как один из составных его элементов» [66, с. 5], в дореволюционной литературе не было общепринятым. По замечаниям авторитетных ученых, «самое понятие “элемента” не есть понятие юридическое, и в науках юридических употребляется метафорически, без определенного правового содержания» [49, с. 53] (в частности, по отношению к государству — «в смысле тех основных начал, из которых складывается его понятие» [8, с. 37]²², а не состоит оно само как явление). Со сходной долей образности употреблялось и слово «признаки»²³. Таким образом, упоминание «признаков» и «элементов» в данном контексте совсем не обязательно претендовало на научный характер, а могло иметь лишь значение фигуры речи.

Резче, но в целом логично подходила к данному вопросу советская юридическая наука, концентрировавшаяся, как было отмечено выше, на территориальном делении (устройстве) государства. Хотя некоторое время после революции встречались рассуждения об элементном составе государства²⁴, однако вскоре само отнесение территории, власти, населения к числу «элементов» государства было объявлено «явною бессмыслицею» [69, с. 671].

²¹ Несколько иначе, но сходным образом рассуждал М. Ориу, отмечавший допустимость квалификации территории как элемента «объективной индивидуальности» государства, но не его юридической личности, имеющей «психологическую природу» [65, р. 338].

²² Менее удачно, но в целом в том же русле высказывался о государственной территории Ю. Гачек — как о «существенном элементе понятия государства» [67, с. 78].

²³ Например, Г.Ф. Шершеневич упоминал о «соединении людей, местности, ими занимаемой, и власти» не как о признаках государства, а как о признаках, существенных «для понятия о государстве» [57, с. 18].

²⁴ В том числе признание упоминания о территории «самым несущественным элементом понятия государства» [68, с. XXXII] и критические соображения по поводу «юридической обязательности» территории как элемента государства [11, с. 108].

Однако в постсоветский период идея о трех вышеназванных характеристиках государства вновь обрела популярность. При этом обращение к ним уже не сопровождается оговорками, аналогичными встречавшимся в дореволюционной юридической литературе. В ряде русскоязычных изданий последних десятилетий территория называется (наряду с населением и властью) элементом государства [70, с. 388; 71, с. 64; 72, с. 84; 73, с. 541; 74, с. 362; 75, с. 14] или его признаком [76, с. 24, 423; 20, с. 5, 25] или одновременно и элементом, и признаком [77, с. 7; 78, с. 3; 79, с. 56–57]²⁵. Воспринимая такого рода конструкции как научно достоверные, современные ученые не просто воспроизводят устаревшие концепции, но совершают логические ошибки, отсутствовавшие в оригиналах вековой и полуторавековой давности (поскольку, как было отмечено, в первоначальном контексте словосочетания «признак государства» и «элемент государства» были, по сути, фигурами речи). Особенно обращает на себя внимание упомянутое смешение трактовки территории как признака и элемента государства. Признак и элемент, как известно, совершенно по-разному относятся к одному и тому же объекту: первый представляет собой отличительную черту (свойство), второй — часть явления. Приписываемая территории роль элемента государства, кроме того, редко сочетается с авторскими определениями последнего. Современные отечественные правоведы обыкновенно придерживаются понимания государства как организации (как универсальной организации общества [79, с. 56], организации власти в обществе [72, с. 86] и т. п.), по отношению к которой территория служит сферой деятельности (властвования, функционирования и пр.), но совсем не элементом (в противном случае к элементам физического или юридического лица, например, следовало бы отнести их имущество).

Сравнительно менее уязвимой видится трактовка территории по отношению к государству не как конструктивного обстоятельства, а как «фактически-необходимой» или «материальной» предпосылки государства [11, с. 108; 80, с. 58]. Однако при внешней неоспоримости этого вы-

сказывания его полезность для понимания взаимосвязи государства и территории невелика. Человечество никогда не существовало вне физического пространства, и как проявление материального мира оно, конечно, предшествует любым социальным явлениям, — наравне, например, со временем, атмосферным давлением или гравитацией. Отсутствие необходимости упоминания последних в качестве предпосылок государства заставляет усомниться и в уместности рассмотрения в этом качестве и пространства («территории» в широком или бытовом смысле). Кроме того, в плане предпосланности пространством государство ничем не отличается ни от общества, ни от индивида, ни от иных социальных сущностей. Территория в широком (естественном, природном) понимании (а точнее, физическое пространство) по отношению к любым социальным явлениям, включая государство, имеет характер не предпосылки, обуславливающей их формирование, а данности, неизбежной среды существования.

Территория же в юридическом понимании, как было отмечено выше, представляет собой не объективное явление, а категорию, выработанную людьми (в ходе и результате межсубъектного общения, психологического восприятия и рационального осмысления реальности). С этой точки зрения рассуждать о существовании территории применительно к историческим эпохам, предшествовавшим формированию представлений о территориальной юрисдикции, территориальном верховенстве и т. п., претворению их в юридической практике (либо исключавшим возможность такого претворения в силу особенностей социально-политического контекста²⁶) не вполне корректно. Огрубленно можно сказать, что как представления о территориальности (территориальности проявления государственного суверенитета, осуществления власти, действия правопорядка и пр.) встроены в представления о современном государстве, так и понятия о современном государстве встроены в понятие территории в правовом смысле. Однако точное хронологическое соотношение территории в этом значении и государства не фиксировано и зависит от концепции государствовопонимания.

²⁵ В частности, по утверждению С.Н. Бабурина, «в комплексе с другими признаками (власть, население) территория государства выступает в качестве системообразующего элемента общесоциальной и юридической категории государства» [77, с. 7]. Данная фраза с точки зрения формальной логики представляется не самой удачной: в ней не только признаки смешаны с элементами, но и понятие («категория государства») — с явлением, состоящим из элементов.

²⁶ В частности, в условиях господства представлений о земле как о персональном имуществе правителя или при многоуровневой системе сюзеренитета-вассалитета с характерной для нее неприкасаемостью феодальных владений государственная территория не могла проявлять себя ни в общественном сознании, ни в практической жизни.

Заключение

Изложенное позволяет подвести следующие итоги.

1. Логически корректными могут считаться различные дефиниции понятия территории государства (связывающие ее с пределами осуществления государственной власти, правовым порядком и другими обстоятельствами). Однако исходя из современной отечественной юридической практики, это понятие подлежит ассоциированию прежде всего с категорией государственного суверенитета (государственная территория есть пространство, в пределах которого государство проявляет свой суверенитет).

2. Термины «территория государства», «территория Российской Федерации» и пр. не безупречны, однако на данный момент достойные альтернативы им отсутствуют.

3. Исходя из представления о государстве как о суверенном образовании, следует признать, что оно не может проявлять себя в отсутствие некоей пространственной сферы, в пределах которой оно обладало бы возможностью реализовывать суверенитет (в пределах которой вменяемые ему решения обладали бы верховенством, а действие решений, исходящих от зарубежных государств, по умолчанию не допускалось бы), осуществлять власть (устанавливать и изменять правовой статус субъектов и правовой режим объектов), устанавливать и поддерживать правовой порядок и пр.

4. Дискуссия о составе территории государства носит схоластический характер. Данная дискуссия поддается нормативному, но не научному решению.

5. Бытие государства без точно определенной в каждый момент времени территории было возможным в прошлом, остается актуальным в настоящее время и продолжится в будущем. Главное, чтобы указанная пространственная сфера была более или менее обособленной от сфер

осуществления суверенитета других государств (сфер действия других правовых порядков).

6. Территория по отношению к государству не является ни элементом, ни признаком. Обе названные трактовки могут быть приняты лишь как образные выражения, не вполне уместные в современной академической литературе. Ориентироваться на подобные метафоры в академической литературе — значит тиражировать и догматизировать заведомо несерьезные суждения. Для доктринальных и педагогических целей, напротив, полезно подчеркивать фигуральный характер приведенных высказываний и ошибочность восприятия их в качестве научно обоснованных.

7. Называть территорию предпосылкой государства также не вполне корректно. Как явления юридической действительности территория и государство не могут быть представлены как предшествующее и последующее. Это парные категории, определяемые друг через друга и не отделяемые друг от друга без потери смысла.

8. Территориальная организованность²⁷ в отличие от самой территории действительно отличает современное государство от иных социальных общностей и, следовательно, может претендовать на роль его признака. Это, впрочем, не исключает ни существования небольших в пространственном отношении государственных образований, не нуждающихся в территориальном структурировании, ни заметного снижения в перспективе (при сохранении тенденции к распространению цифрового формата выполнения государственных и муниципальных функций и оказания государственных и муниципальных услуг) практической востребованности территориального дробления государства.

²⁷ Подразумевающая как пространственный характер юрисдикции государственных органов и действия норм национального права, так и пространственную дробность (обусловленную соображениями практической целесообразности) указанной юрисдикции и действия части правовых норм.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кудрявцев В.Н. Курс международного права : в 7 т. / В.Н. Кудрявцев. — Москва : Наука, 1990. — Т. 3. Основные институты международного права. — 260 с.
2. Елистратов А.И. Очерк государственного права (конституционное право) / А.И. Елистратов. — 2-е изд., перераб. — Москва : Мысль, 1915. — 168 с.
3. Барихин А.Б. Большая юридическая энциклопедия / А.Б. Барихин. — Москва : Книжный мир, 2010. — 960 с.
4. Гроций Г. О праве войны и мира : репринт, с изд. 1956 г. / Г. Гроций. — Москва : Ладомир, 1994. — 868 с.
5. Клубер И.Л. Новейшее европейское народное право / И.Л. Клубер. — Москва, 1828. — 376 с.
6. Мартенс Ф. Ф. Современное международное право цивилизованных народов / Ф.Ф. Мартенс. — Санкт-Петербург, 1882. — Т. I. — 420 с.
7. Мартенс Ф.Ф. Лекции по государственному праву / Ф.Ф. Мартенс. — Санкт-Петербург, 1892. — 280 с.

8. Жилин А.А. Учебник государственного права / А.А. Жилин. — Петроград, 1916. — Ч. I. Общее учение о государстве в связи с основными началами иностранного государственного права. — 432 с.
9. Лист Ф. Международное право в систематическом изложении / Ф. Лист ; под ред. В.Э. Грабаря. — Юрьев, 1912. — 574 с.
10. Горовцев А.М. Международное право : избр. лит. : крат. энцикл. / А.М. Горовцев. — Санкт-Петербург, 1909. — 912 с.
11. Магазинер Я.М. Общее учение о государстве : курс лекций, читанных в Петроградском Университете в 1918–1922 гг. / Я.М. Магазинер. — 2-е изд., перераб. — Петроград : Кооперация, 1922. — 490 с.
12. Алексеев А.С. Русское государственное право / А.С. Алексеев. — Москва, 1892. — 474 с.
13. Еллинек Г. Право современного государства / Г. Еллинек. — Санкт-Петербург, 1908. — Т. 1. Общее учение о государстве. — 600 с.
14. Марченко М.Н. Теория государства и права : учебник / М.Н. Марченко. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Проспект, 2004. — 640 с.
15. Тихомирова Л.В. Юридическая энциклопедия / Л.В. Тихомирова, М.Ю. Тихомиров. — Москва, 1997. — 526 с.
16. Юридическая энциклопедия / отв. ред. Б.Н. Топорнин. — Москва : Юрист, 2001. — 1272 с.
17. Лукашук И.И. Международное право. Общая часть. — 3-е изд., перераб. и доп. / И.И. Лукашук. — Москва, 2005. — 432 с.
18. Международное право : учебник / отв. ред. А.Н. Вылегжанин. — Москва : Юрайт, 2009. — 1012 с.
19. Лебедев А.Н. Конституционно-правовой статус территории субъекта Российской Федерации / А.Н. Лебедев. — EDN ZGVXKJ // Конституционный строй России. — Москва, 2003. — Вып. 4. — С. 76–96.
20. Нифанов А.Н. Территория Российской Федерации: конституционно-правовая теория : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.02 / А.Н. Нифанов. — Белгород, 2020. — 454 с.
21. Быстрова Д.А. Территория в конституционном праве Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Д.А. Быстрова. — Москва, 2010. — 34 с.
22. Чиркин В.Е. Российский федерализм в Евразии: элементы сравнительного анализа / В.Е. Чиркин. — EDN OXEXMX // Вопросы правоведения. — 2011. — № 1. — С. 8–24.
23. Чиркин В.Е. Территориальная организация публичной власти / В.Е. Чиркин. — Москва : Норма : ИНФРА-М, 2017. — 208 с.
24. Чепурнова Н.М. Теория государства и права : учеб. пособие / Н.М. Чепурнова, А.В. Серегин. — Москва : ЕАОИ, 2007. — 465 с.
25. Международное публичное право : учебник / отв. ред. К.А. Бекашев. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва : Проспект, 2005. — 784 с.
26. Международное право / под общ. ред. В.Н. Дурденевского, С.Б. Крылова. — Москва : Юрид. изд-во МЮ СССР, 1947. — 616 с.
27. Despagne F. Cours de droit international / F. Despagne. — 3rd ed. — Paris, 1905. — 906 p.
28. Wilson G.G. International Law / G.G. Wilson, G.F. Tucker. — New York : Boston : Chicago : Silver, Burdett & Co, 1901. — 464 p.
29. Smith F.E. International Law / F.E. Smith. — London, 1900. — 188 p.
30. Барциц И.Н. Правовое пространство России. Вопросы конституционной теории и практики / И.Н. Барциц. — Москва : Изд-во Моск. ун-та, 2000. — 496 с.
31. Барциц И.Н. Конституционно-правовое пространство России: формирование и динамика / И.Н. Барциц. — Москва : Изд-во РАГС, 2001. — 361 с.
32. Seydel M. Grundzüge einer allgemeinen Staatslehre / M. Seydel. — Würzburg, 1873. — 104 S.
33. Иеринг Р. Цель в праве / Р. Иеринг. — Санкт-Петербург : Изд. Н.В. Муравьева, 1881. — Т. 1. — 412 с.
34. Contuzzi F.P. Diritto costituzionale / F.P. Contuzzi. — Milano, 1907. — 460 p.
35. Orlando V.E. Principii di diritto costituzionale / V.E. Orlando. — Firenze : G. Barbèra, 1889. — 276 p.
36. Laband P. Das Staatsrecht des Deutschen Reichs / P. Laband. — Auflage : Freiburg und Leipzig, 1895. — Band I. — 768 S.
37. Блюнчли И.К. Общее государственное право / И.К. Блюнчли. — Москва : Унив. тип., 1865. — Т. I. — 454 с.
38. Fricker K.V. Vom Staatsgebiet / K.V. Fricker. — Tübingen, 1867. — 28 S.
39. Саккетти А.Л. Основные учения о территориальности государства / А.Л. Сакетти // Известия Министерства иностранных дел. — 1915. — Кн. I. — С. 204–224.
40. Трубецкой Е.Н. Лекции по энциклопедии права / Е.Н. Трубецкой. — Москва, 1917. — 228 с.
41. Свешников М.И. Русское государственное право / М.И. Свешников. — Санкт-Петербург, 1895. — Ч. I. Общая теория государственного права. — 312 с.
42. Ильин И.А. Теория права и государства / И.А. Ильин. — Москва : Зерцало-М, 2003. — 400 с.
43. Коркунов Н.М. Русское государственное право : пособие к лекциям / Н.М. Коркунов. — Санкт-Петербург, 1892. — Т. 1. — 404 с.

44. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности / Л.И. Петражицкий. — Санкт-Петербург, 1909. — Т. 1. — 322 с.
45. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права / Г.Ф. Шершеневич. — Москва, 1910. — Вып. 1. — 320 с.
46. Сорокин П. Элементарный учебник общей теории права в связи с учением о государстве / П. Сорокин. — Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2009. — 240 с.
47. Ивановский В.В. Учебник государственного права / В.В. Ивановский. — Казань, 1908. — 521 с.
48. Шалланд Л. Юридическая природа территориального верховенства. Историко-догматическое исследование / Шалланд Л. — Санкт-Петербург, 1903. — Т. 1. — 306 с.
49. Лазаревский Н.И. Русское государственное право / Н.И. Лазаревский. — Изд. 3-е. — Санкт-Петербург, 1913. — 672 с.
50. Алексеев Н.Н. Очерки по общей теории государства. Основные предпосылки и гипотезы государственной науки / Н.Н. Алексеев. — Москва : Московское науч. изд-во, 1919. — 212 с.
51. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства / К. Маркс, Ф. Энгельс // Собрание сочинений : в 50 т. — 2-е изд. — Москва : Политиздат, 1961. — Т. 21. — С. 23–178.
52. Маритен Ж. Человек и государство / Ж. Маритен. — Москва : Идея-Пресс, 2000. — 196 с.
53. Krasner S.D. Sovereignty. Organized Hypocrisy / S.D. Krasner. — Princeton : Princeton University Press, 1999. — 264 p.
54. Hardt M. Empire / M. Hardt, A. Negri. — Cambridge : Harvard University Press, 2000. — 478 p.
55. Лексин И.В. Суверенитет и государство: концептуальные взаимосвязи и расхождения / И.В. Лексин. — EDN XZTEFF // Российское право: образование, практика, наука. — 2018. — № 3 (105). — С. 17–29.
56. Рождественский Н. Энциклопедия законоведения / Н. Рождественский. — Санкт-Петербург, 1863. — 680 с.
57. Шершеневич Г.Ф. Общее учение о праве и государстве : лекции / Г.Ф. Шершеневич. — Москва, 1911. — 164 с.
58. Ренненкампф Н.К. Юридическая энциклопедия / Н.К. Ренненкампф. — Изд. 4-е. — Киев, 1913. — 294 с.
59. Гессен В.М. Общее учение о государстве : лекции, читанные в С.-Петерб. политехн. ин-те / В.М. Гессен. — Санкт-Петербург, 1912. — 190 с.
60. Тарановский Ф.В. Учебник энциклопедии права / Ф.В. Тарановский. — Юрьев, 1917. — 536 с.
61. Гаген В.А. Учебник административного права / В.А. Гаген. — Ростов-на-Дону, 1919. — 236 с.
62. Хвостов В.М. Общая теория права : элементарный очерк / В.М. Хвостов. — Изд. 3-е, испр. и доп. — Москва, 1906. — 136 с.
63. Дюги Л. Конституционное право. Общая теория государства / Л. Дюги. — Москва, 1908. — 960 с.
64. Кокошкин Ф.Ф. Лекции по общему государственному праву / Ф.Ф. Кокошкин. — Москва, 1912. — 306 с.
65. Nauriou M. Principes de droit public / M. Nauriou. — 2nd éd. — Paris, 1916. — 828 p.
66. Чичерин Б.Н. Курс государственной науки / Б.Н. Чичерин. — Москва, 1894. — Ч. I. Общее государственное право. — 484 с.
67. Гачек Ю. Общее государственное право на основе сравнительного правоведения / Ю. Гачек. — Рига, 1912. — Ч. I. Право современной монархии. — 216 с.
68. Рейснер М.А. Государство / М.А. Рейснер. — Изд. 2-е, доп. и испр. — Москва, 1918. — Ч. I. Идеология и метод. — 222 с.
69. Энциклопедия государства и права / под ред. П. Стучка. — Москва : Изд-во Коммунистической акад., 1925. — Т. I. — 1240 с.
70. Гомеров И.Н. Государство и государственная власть: предпосылки, особенности, структура / И.Н. Гомеров. — Москва : ЮКЭА, 2002. — 832 с.
71. Иванов В.В. Новые подходы к теории территориального устройства и федеративная система России / В.В. Иванов. — EDN TLGADZ // Правоведение. — 2002. — № 3 (242). — С. 63–85.
72. Черданцев А.Ф. Теория государства и права / А.Ф. Черданцев. — Москва : Юрайт-М, 2002. — 432 с.
73. Проблемы общей теории права и государства / под общ. ред. В.С. Нерсисянца. — Москва : Норма, 2004. — 832 с.
74. Общетеоретическая юриспруденция : учеб. курс / под. ред. Ю.Н. Оборотова. — Одесса : Феникс, 2011. — 436 с.
75. Грачев Н.И. Территориальная организация публичной власти / Н.И. Грачев. — Москва : Юрайт, 2019. — 483 с.
76. Чертков А.Н. Правовое регулирование территориального устройства России: концепция и прогноз : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.02 / А.Н. Чертков. — Москва, 2012. — 499 с. — EDN QFOBDF.
77. Бабурин С.Н. Территория государства: теоретико-правовые проблемы : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / С.Н. Бабурин. — Москва, 1998. — 49 с.
78. Сысоева Е.А. Категория «территория» в правовой теории и практике законодательного регулирования федеративного устройства современной России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Е.А. Сысоева. — Ростов-на-Дону, 2006. — 24 с. — EDN NJVZLZ.
79. Тихомиров Ю.А. Государство : монография / Ю.А. Тихомиров. — Москва : ИНФРА-М, 2013. — 320 с.
80. Хропанюк В.Н. Теория государства и права / В.Н. Хропанюк ; под ред. В.Г. Стрекозова. — Москва : Омега-Л, 2008. — 384 с.

REFERENCES

1. Kudryavtsev V.N. *Course in International Law*. Moscow, Nauka Publ., 1990. Vol. 3. 260 p.
2. Elistratov A.I. *Essay on State Law (Constitutional Law)*. 2nd ed. Moscow, Mysl Publ., 1915. 168 p.
3. Barikhin A.B. *The Great Legal Encyclopedia*. Moscow, Knizhnyi mir Publ., 2010. 960 p.
4. Grotius G. *On the Law of War and Peace*. Moscow, Lodomir Publ., 1994. 868 p.
5. Klyuber I.L. *The latest European people's law*. Moscow, 1828. 376 p.
6. Martens F.F. *Modern International Law of Civilized Peoples*. Saint Petersburg, 19882. Vol. 1. 420 p.
7. Martens F.F. *Lectures on state law*. Saint Petersburg, 1892. 280 p.
8. Zhilin A.A. *Textbook of State Law*. Petrograd, 1916. Pt. 1. 432 p.
9. Liszt F. von. *Das Völkerrecht Systematisch Dargestellt*. Berlin, 1888. (Russ. ed.: Liszt F. von; Grabar V.Eh. (ed.). *International Law. Systematically Presented*. Yurev, 1912. 574 p.).
10. Gorovtsev A.M. *International Law*. Saint Petersburg, 1909. 912 p.
11. Magaziner Ya.M. *General Doctrine of the State*. Petrograd, Kooperatsiya Publ., 1922. 490 p.
12. Alekseev A.S. *Russian State Law*. Moscow, 1892. 474 p.
13. Jellinek G. *Law of the modern state*. Saint Petersburg, 1908. Vol. 1. 600 p.
14. Marchenko M.N. *Theory of the State and Law*. 2nd ed. Moscow, Prospekt Publ., 2004. 640 p.
15. Tikhomirova L.V., Tikhomirov M.Yu. *Legal Encyclopedia*. Moscow, 1997. 526 p.
16. Topornin B.N. (ed.). *Legal Encyclopedia*. Moscow, Yurist Publ., 2001. 1272 p.
17. Lukashuk I.I. *International Law. The General Part*. 3rd ed. Moscow, 2005. 432 p.
18. Vylegzhanin A.N. (ed.). *International Law*. Moscow, Yurait Publ., 2009. 1012 p.
19. Lebedev A.N. Constitutional and legal status of the territory of the constituent entity of the Russian Federation. In *Constitutional system of Russia*. Moscow, 2023. Iss. 4, pp. 76–96. (In Russian). EDN: ZGVXKJ.
20. Nifanov A.N. *Territory of the Russian Federation: constitutional and legal theory*. Doct. Diss. Belgorod, 2020. 454 p.
21. Bystrova D.A. *Territory in the constitutional law of the Russian Federation*. Cand. Diss. Thesis. Moscow, 2010. 34 p.
22. Chirkin V.E. Russian Federalism in Eurasia: Certain Elements of Comparative Analysis. *Voprosy pravovedeniya = Issues of Jurisprudence*, 2011, no. 1, pp. 8–24. (In Russian). EDN: OXEXMX.
23. Chirkin V.E. *Territorial Organization of Public Authority*. Moscow, Norma Publ., Infra-M Publ., 2017. 208 p.
24. Chepurnova N.M. *Theory of State and Law*. Moscow, EAOI Publ., 2007. 465 p.
25. Bekyashev K.A. (ed.). *Public International Law*. 4th ed. Moscow, Prospekt Publ., 2005. 784 p.
26. Durdenevskii V.N., Krylov S.B. (eds). *International Law*. Moscow, Legal Publishing House of the Ministry of Justice of the USSR Publ., 1947. 616 p.
27. Despagne F. *Cours de Droit International*. 3rd ed. Paris, 1905. 906 p.
28. Wilson G.G., Tucker G.F. *International Law*. New York, Boston, Chicago, Silver, Burdett & Co, 1901. 464 p.
29. Smith F.E. *International Law*. London, 1900. 188 p.
30. Bartsits I.N. *Legal space of Russia. Issues of constitutional theory and practice*. Lomonosov Moscow State University Publ., 2000. 496 p.
31. Bartsits I.N. *The constitutional and legal space of Russia: formation and dynamics*. Moscow, Russian Academy of Public Administration Publ., 2001. 361 p.
32. Seydel M. *Grundzüge einer allgemeinen Staatslehre*. Würzburg, 1873. 104 S.
33. Jhering R. von. *Der Zweck im Recht*. Leipzig, Breitkopf und Härtel, 1877. (Russ. ed.: Jhering R. von. *Goal in Law*. Saint Petersburg, N.V. Muravyev Publ., 1881. Vol. 1. 412 p.).
34. Contuzzi F.P. *Diritto Costituzionale*. Milano, 1907. 460 p.
35. Orlando V.E. *Principii di Diritto Costituzionale*. Firenze, G. Barbèra, 1889. 276 p.
36. Laband P. *Das Staatsrecht des Deutschen Reichs*. Auflage, Freiburg und Leipzig, 1895. Band I. 768 S.
37. Bluntschi J.C. *The Theory of the State*. Moscow, Universitetskaya tipografiya Publ., 1865. Vol. 1, 454 p.
38. Fricker K.V. *Vom Staatsgebiet*. Tübingen, 1867. – 28 S.
39. Sakketti A.L. The main teachings on the territoriality of the state. *Izvestiya Ministerstva inostrannykh del = News of the Ministry of Foreign Affairs*, 1915, bk. 1, pp. 204–224. (In Russian).
40. Trubetskoi E.N. *Lectures on the encyclopedia of law*. Moscow, 1917. 228 p.
41. Sveshnikov M.I. *Russian State Law*. Saint Petersburg, 1895. Pt. 1. 312 p.
42. Ilin I.A. *Theory of Law and State*. Moscow, Zertsalo-M, 2003. 400 p.
43. Korkunov N.M. *Russian State Law*. Saint Petersburg, 1892. Vol. 1. 404 p.
44. Petrazhitskii L.I. *Theory of law and State in relation to moral theory*. Saint Petersburg, 1909. Vol. 1. 322 p.
45. Shershenevich G.F. *General Theory of Law*. Moscow, 1910. Iss. 1. 320 p.

46. Sorokin P. *Elementary textbook of general theory of law in connection with the teaching of the State*. Saint Petersburg State University Publ., 2009. 240 p.
47. Ivanovskii V.V. *State law textbook*. Kazan, 1908. 521 p.
48. Shalland L. *Legal nature of territorial supremacy. Historical and dogmatic research*. Saint Petersburg, 1903. Vol. 1. 306 p.
49. Lazarevskii N.I. *Russian State Law*. 3rd ed. Saint Petersburg, 1913. 672 p.
50. Alekseev N.N. *Essays on the general theory of the state. Basic prerequisites and hypotheses of the state science*. Moscow Scientific Publishing House Publ., 1919. 212 p.
51. Engels F., Marx K. The Origin of the Family, Private Property and the State. *Collected Works*. 2nd ed. Moscow, Politizdat Publ., 1961, vol. 21, pp. 23–178. (In Russian).
52. Maritain J. *Man and the State*. Chicago, University of Chicago Press, 1956. 219 p. (Russ. ed.: Maritain J. *Man and the State*. Moscow, Ideya-Press Publ., 1956. 219 p.).
53. Krasner S.D. *Sovereignty. Organized Hypocrisy*. Princeton University Press, 1999. 264 p.
54. Hardt M., Negri A. *Empire*. Cambridge, Harvard University Press, 2000. 478 p.
55. Leksin I.V. Sovereignty and the State: Conceptual Interconnections and Divergences. *Rossiyskoye Pravo: Obrazovaniye, Praktika, Nauka = Russian Law: Education, Practice, Researches*, 2018, no. 3, pp. 17–29. (In Russian).
56. Rozhdestvenskii N. *Encyclopedia of Law*. Saint Petersburg, 1863. 680 p.
57. Shershenevich G.F. *General doctrine of law and the State*. Moscow, 1911. 164 p.
58. Rennekampf N.K. *Legal Encyclopedia*. 4th ed. Kiev, 1913. 294 p.
59. Gessen V.M. *General Doctrine of the State*. Saint Petersburg, 1912. 190 p.
60. Taranovskii F.V. *Law Encyclopedia textbook*. Yurev, 1917. 536 p.
61. Gagen V.A. *Administrative Law Textbook*. Rostov on Don, 1919. 236 p.
62. Khvostov V.M. *General Theory of Law*. 3rd ed. Moscow, 1906. 136 p.
63. Dyugi L. *Constitutional Law. General Theory of the State*. Moscow, 1908. 960 p.
64. Kokoshkin F.F. *Lectures on General State Law*. Moscow, 1912. 306 p.
65. Hauriou M. *Principes de Droit Public*. 2nd éd. Paris, 1916. 828 p.
66. Chicherin B.N. *State Science Course*. Moscow, I.N. Kushnerev i K.° Publ., 1894. Pt. 1. 481 p.
67. Gachek Yu. *General state law based on comparative law*. Riga, 1912. Pt. 1. 216 p.
68. Reisner M.A. *The State*. 2nd ed. Moscow, 1918. Pt. 1. 222 p.
69. Stuchka P. (ed.). *Encyclopedia of State and Law*. Moscow, Kommunisticheskaya akademiya Publ., 1925. Vol. 1. 1240 p.
70. Gomerov I.N. *State and state power: prerequisites, features, structure*. Moscow, YUKEHA Publ., 2002. 832 p.
71. Ivanov V.V. New Approaches to the Theory of Territorial Structure and the Federal. System of Russia. *Pravovedenie = Jurisprudence*, 2002, no. 3, pp. 63–85. (In Russian). EDN: TLGADZ.
72. Cherdantsev A.F. *Theory of State and Law*. Moscow, Yurait-M Publ., 2002. 432 p.
73. Nersesyants V.S. (ed.). *General Law Theory and State Issues*. Moscow, Norma Publ., 2004. 832 p.
74. Oborotov Yu.N. *General theoretical jurisprudence*. Odessa, Feniks Publ., 2011. 436 p.
75. Grachev N.I. *Territorial Organization of Public Authority*. Moscow, Yurait Publ., 2019. 483 p.
76. Chertkov A.N. *Legal regulation of the territorial structure of Russia: concept and forecast*. *Doct. Diss.* Moscow, 2012. 499 p. EDN: QFOBDF.
77. Baburin S.N. *Territory of the State: Theoretical and Legal Problems*. *Doct. Diss. Thesis*. Moscow, 1998. 297 p.
78. Sysoeva E.A. *Category “territory” in the legal theory and practice of legislative regulation of the federal structure of modern Russia*. *Cand. Diss. Thesis*. Rostov on Don, 2006. 24 p. EDN: NJVZLZ.
79. Tikhomirov YU.A. *The State*. Moscow, INFRA-M Publ., 2013. 320 p.
80. Khropanyuk V.N.; Strekozov V.G. (ed.). *Theory of State and Law*. Moscow, Omega-L Publ., 2008. 384 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Иван Владимирович Лексин — доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой правовых основ управления факультета государственного управления. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. 119991, Россия, Москва, Ломоносовский проспект, 27; Author Scopus ID 57201023576; SPIN-код 5628-5071; Author ID: 228773

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ivan V. Leksin — Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Legal Foundations of Public Administration at the School (Faculty) of Public Administration. Lomonosov Moscow State University. 27 Lomonosovsky Prospekt, Moscow, Russia, 119991; Author Scopus ID 57201023576; SPIN-code 5628-5071; Author ID 228773

Поступила в редакцию / Received 30.08.2023

Доработана после рецензирования / Revised 07.10.2023

Принята к публикации / Accepted 18.12.2023